

циальных и экономических системах: материалы XX Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 20 мая 2011 г. — Минск: Изд-во МИУ, 2011.

9. Шинковский, М.Ю. Трансграничное сотрудничество как рычаг развития Российского Дальнего Востока / М.Ю. Шинковский // Полит. исслед. — 2004. — № 5.

10. Зыков, А.А. Политические основания исследования трансграничности // Политическая наука: сб. науч. тр. // Политическая наука. — 2010. — № 3. Трансграничные региональные системы: потенциал развития / редкол.: Е.Ю. Мелешкина (гл. ред.) [и др.]; ред.-сост.: Л.П. Верчепов, М.Ю. Шинковский, 2010.

11. Косов, Ю.В. Развитие европейской региональной политики: путь к углублению сотрудничества или к конфликту? / Ю.В. Косов, А.В. Торопыгин [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.politex.info/index2.php?option=com_content&task=view&id=577&pop=1&page=0&Itemid=30. — Дата доступа: 20.04.2013.

12. Интервью начальника Аналитического управления Федеральной таможенной службы Владимира Ивина «Российской Бизнес-газете» [Электронный ресурс] / Информационно-консультационная система «Виртуальная таможня». — Режим доступа: http://www.vch.ru/cgi-bin/guide.cgi?table_code=12&action=show&id=19515. — Дата доступа: 19.01.2010.

13. История создания Таможенного союза [Электронный ресурс] / Сайт Комитета Совета Федерации по делам Содружества Независимых Государств. — Режим доступа: <http://www.sngcom.ru/key-issues/customs-union/history.html>. — Дата доступа: 20.04.2013.

*Статья поступила
в редакцию 29.04.2013.*

Д. В. ЗАЙЦЕВ

**О СПЕЦИФИКЕ И ВЗАИМОСВЯЗИ
ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОГО И ЭКОНОМИЧЕСКОГО
ФАКТОРОВ В РАЗВИТИИ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ
И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ КОНЦА 80-х гг. XX в.**

Интерес к революциям в Центральной и Юго-Восточной Европе (ЦЮВЕ) возник в 1990-е гг. — после серии «бархатных революций», однако причины и характер этих событий не получили исчерпывающего объяснения по настоящее время. Сейчас изучение проблемы «европейской осени» 1989 г. приобрело особую значимость в связи с революционными процессами так называемой арабской весны, проходящими по насильственному сценарию. Представляется актуальным с научной и политической точек зрения выявление того, в чем заключались особенности «бархатных революций» в ЦЮВЕ. В этой связи необходимо определиться со значением понятия «бархатная революция». Иногда под «бархатными революциями» понимаются любые ненасильственные революции, но, на наш взгляд, более оправданно употреблять это понятие именно к странам «народной демократии» на рубеже 1980—1990-х гг. Один из первых исследователей этой проблемы, Ю.К. Князев уже в начале 1990-х гг. отметил появление в научной литературе точки зрения, согласно которой в странах ЦЮВЕ в конце 1989 г. свершились «народно-демократические революции» [1, 50—55]. Однако применение термина «народно-демократические революции» не совсем корректно в отношении изучаемых событий. В науке это понятие уже закрепилось за событиями конца 1940-х гг., когда коммунисты оттеснили от власти своих

Дмитрий Владимирович ЗАЙЦЕВ, аспирант кафедры политологии Белорусского государственного экономического университета.

конкурентов. Применение термина, который одновременно обозначает и формирование коммунистического правительства, и его уничтожение, следует исключить. Такой подход делает необходимым выбор другого собирательного названия для данных революций, объединенных в одну группу многими признаками, и прежде всего общим для всех режимом «народной демократии». Термин «бархатная революция» будет применяться в данном исследовании как собирательное понятие для всех ненасильственных революций именно в странах «народной демократии». Целью статьи является определение того, существовала ли связь между ненасильственным характером «бархатных революций» и наличием в этих странах режимов народной демократии.

Автор придерживается позиции, что при несомненной значимости геополитического фактора «бархатные революции» были все же в большей степени итогом внутривосточного развития стран ЦЮВЕ, а также экономической ситуации, которая вынудила коммунистические режимы вступить в переговоры с западными странами и собственной оппозицией.

Обращает на себя внимание то, что Польша и Венгрия на пороге преобразований причислялись к государствам восточно-европейского экономического пространства, имеющим наиболее крупные долги, а Чехословакия и Румыния, напротив, имели относительно небольшие задолженности. По характеру же развития революционных процессов эти страны сгруппированы иначе. Чехословакия с небольшой внешней задолженностью по сценарию революции оказалась ближе к Венгрии с большим внешним долгом, чем к Румынии, у которой почти не было долгов. На первый взгляд, эта ситуация может показаться парадоксом, поэтому необходимо систематизировать несколько групп данных, объясняющих его возникновение с помощью таблицы.

Положение экономик стран Центральной и Юго-Восточной Европы в 1989 г.

Страна	Абсолютный размер общей задолженности, млрд дол. США	Общая задолженность в расчете на душу населения, дол. США	ВВП в текущих ценах на душу населения, дол. США	Индекс заработной платы, скорректированный на индекс инфляции (1987 г. — 100)	Сальдо бюджета в ВВП, %	Темпы роста национального дохода, % к 1988 г.
Болгария	10,0	1 149	2 350	106,6	-1,4	0 — 1,0
Чехословакия	7,2	480	3 595 — Чех., 3 153 — Сл.	102,5	-2,7	1 — 1,5
ГДР	21,7	1 312	—	11	—	1 — 2,0
Венгрия	19,7	1 858	3 545	103,7	-1,3	0
Польша	40,4	1 058	1 694	124,7	-7,4	0,2 — 2,2
Румыния	0,2	9	1 659	8,4	101,9	2 — 3,0

Примечание: разработана нами по данным [2, 106; 3; 4; 5].

Доля населения с доходами ниже черты бедности в разных странах составляла: в 1987 г. 0 % — в Чехословакии, 1 % — в Венгрии и 6 % — в Польше, а в 1989 г. 2 % — в Болгарии и 6 % — в Румынии [6, 625]. Белорусский историк П.Г. Лукьянов писал о том, что уровень жизнеобеспечения в большинстве стран ЦЮВЕ к концу 1980-х гг. имел тенденцию к снижению, но не мог быть одним из главных факторов «революционизации» народных масс, и лишь в Румынии и Албании он приблизился к этому [7, 28]. И.Г. Ушкалов привел сведения, что в Румынии в течение 1989 г. население снабжалось продуктами питания в объемах практически биологического минимума, так как в целях снижения внешней задолженности правительство Румынии направляло на экспорт большую часть товаров, прежде всего продовольственных [4, 15, 21]. Так румынскому руководству удалось погасить внешний долг при

положительном значении внешнеторгового сальдо и достичь несколько больших темпов роста экономики страны. Все было сделано за счет обнищания жителей Румынии, что является одной из причин насильственного характера революции в этой стране. Н. Чаушеску пытался избежать кризиса, но в конце 1980-х гг. в стране все же стало нарастать оппозиционное движение. Начавшаяся в Румынии революция проходила в самых худших социально-экономических условиях, что и определило ее более жестокий характер, нежели у соседей. В отличие от более благополучных в социальном плане соседей, в Румынии не было достаточно сил, протестующих против существующего режима из желания демократизации, но зато было достаточно тех, кто восставал против бедственного материального положения.

Представляется, что в отличие от румынского случая для стран, в которых произошли именно «бархатные революции», было характерно снижение макроэкономических показателей более высокими темпами, чем ухудшение социально-экономических условий жизни населения. Однако отставание ухудшения социально-экономической обстановки от макроэкономической не могло длиться долго, так как у правительств стран ЦЮВЕ было мало резервов для временного удержания ситуации в состоянии социально-экономической стабильности. Видимо, и руководители этих стран осознавали, что в ближайшее время вслед за макроэкономическими показателями на определенную величину упадут и социально-экономические, если они не успеют найти новые средства для поддержания стабильного существования режимов «народной демократии». В этой связи можно привести слова первого посткоммунистического премьера Венгрии Й. Анталла: «если бы не наступил экономический крах коммунистического режима, коммунисты не уступили бы власть» [8, 93]. Советский Союз уже не мог экономически поддерживать режимы «народных демократий», так как сам имел многомиллиардный внешний долг [9, 16], поэтому, странам, сориентированным на него, нужен был альтернативный источник помощи. Большинство стран региона находилось в опасной ситуации: за макроэкономической несостоятельностью вскоре мог последовать острый социально-экономический кризис и возникнуть революционная ситуация. У правительств «народных республик» не хватало средств на длительное удержание благоприятной социально-экономической обстановки. Помощь правительствам стран ЦЮВЕ могли предложить западные страны, но только в обмен на политические уступки. В руководстве стран «народной демократии» после начала перестройки в СССР начали проявляться осознававшие это реформистские группы, которые не стали подавлять оппозицию, как это было ранее. Одновременно, так как социально-экономическая ситуация еще не успела стать критической, в этих странах удалось предотвратить возможные радикальные действия со стороны недовольных слоев населения.

Следующая важная особенность революций в «народных демократиях» связана с социальным составом их участников. Необходимо признать, что активными участниками «бархатных революций» было меньшинство общества стран ЦЮВЕ. Если интерпретировать положение в странах «народной демократии» на рубеже 1980 — 1990-х гг. по трем признакам революционной ситуации, данных В.И. Лениным [10, 218], то получится следующее сочетание, характерное для «бархатных революций»: 1) невозможность для правящей элиты сохранить в неизменном виде свое господство проявилась в приближении к экономическому банкротству; 2) обострение нужды и бедствий угнетенных «низов» стало наблюдаться в тенденции к ухудшению социально-экономического положения населения; 3) активность масс в этих странах проявлялась по-разному, но была меньшей, чем при насильственных революциях.

Многие аналитики полагают, что в Чехословакии, ГДР, Болгарии и Румынии ведущую роль в революциях сыграли студенты и школьники [11,

1676—1677; 12, 19—20]. Такой молодой состав социальной базы революции создает опасность утраты контроля за ходом событий и перехода ненасильственной революции в насильственную. Особенно это опасно, когда в обществах существуют еще и межэтнические проблемы, что и проявилось в насильственном характере революции в Румынии, которая началась в Тимишоаре после высылки из города венгерского священника Л. Такеша. Определенные национальные проблемы существовали в Болгарии и Чехословакии, а ГДР желала объединения с ФРГ.

Представляется, что ненасильственное протекание революций в большинстве стран ЦЮВЕ, несмотря на указанные проблемы, было связано с особенностями самих режимов «народной демократии». Эту политическую систему отличает от других авторитарных режимов три ключевых признака: сохранение многопартийности; важное значение «народных фронтов» — надпартийных коллегиальных органов; закрепление за представительным органом власти широких полномочий.

Шарп исключал, что именно переговоры могут сыграть ключевую роль в смене режима [13, 18, 20]. Однако с подобной позицией нельзя согласиться. Именно переговоры были одними из ключевых моментов в «бархатных революциях», а в деятельности «круглых столов» нашли свое проявление в разной степени такие признаки «народных демократий», как многопартийность и традиции взаимодействия в рамках «народных фронтов».

Польский исследователь Р. Бакер считает, что в результате соглашения «круглого стола» ПОРП, отказавшись от тоталитарной диктатуры, совместно с Солидарностью оформила авторитарную политическую систему. В его понимании это было этапом перехода к демократии, вопреки воле участников соглашения [14, 137—138]. Подобная оценка может быть связана с тем, что польская Солидарность была вынуждена идти навстречу ПОРП, которую поддерживали на «круглых столах» Объединенная крестьянская партия и Демократическая партия Польши [15, 86], благодаря чему были заключены пакт о делении мест в сейме по квотам от сторон и соглашение о выборах в сенат в июне 1989 г.

В Венгрии ситуация была несколько иной. В этой стране «народной демократии» многопартийность не сохранилась, что несколько осложнило формирование «круглого стола» на начальном этапе. Правящая Венгерская социалистическая рабочая партия имела опыт взаимодействия с лояльными общественными организациями, а возникающая оппозиция сразу становилась антагонистом до этого единственной партии. Историк Б.И. Желицки отметил интересную специфику формирования «круглого стола» в этой стране. 8 апреля 1989 г. ВСРП решила собрать «круглый стол», пытаясь подобрать лояльных партнеров из традиционных общественных организаций, именуемых «третьей стороной», и части оппозиции. В ответ в конце марта 1989 г. собрался Оппозиционный «круглый стол». Только 10 июня 1989 г. его представители, члены ВСРП и лидеры «третьей стороны» подписали соглашение о принципиальных вопросах и компетенции общего «круглого стола» [16, 63—64]. Отличие венгерского «круглого стола» от польского Б.И. Желицким видится в том, что силы оппозиции не были объединены в единую организацию, они не согласились на долевое участие в законодательной власти по примеру Солидарности [16, 66]. В стране длительное время отсутствовали другие партии, кроме ВСРП, результатом чего явилось ослабление тенденции к коалиционному взаимодействию в рамках «народного фронта» и увеличенный антагонизм между участниками «круглого стола». Преодолеть указанные сложности удалось благодаря тому, что в силу описанной ранее экономической ситуации в ВСРП стали преобладать реформистские группы, более склонные к достижению соглашений с оппозицией.

Одной из предпосылок сбора «круглого стола» в Болгарии была необходимость договориться с оппозицией о пересмотре национальной политики времен Т. Живкова. Однако решать пришлось гораздо больший круг вопросов. «Круглый стол» поддержал предложение о переходе от плановой экономики к рыночной, дал согласие на введение разных форм собственности. Стороны договорились об учреждении поста президента, о проведении свободных, многопартийных выборов, о создании Великого национального собрания для принятия новой конституции. Деятельность «круглого стола» в Болгарии шла с большими сложностями, в стране часто проходили протестные митинги. Союз демократических сил смог добиться удовлетворения своих предварительных требований, вынудив БКП перестроить работу своих первичных организаций по территориальному признаку. Уступка коммунистов привела к заявлению лидера оппозиции Ж. Желева, что митинги — движущая сила «круглого стола» [17, 4—5]. Можно заключить, что болгарские коммунисты были вынуждены идти на большие уступки, чем польские, так как их партнер по «народному фронту» Болгарский земледельческий народный союз отказался от сотрудничества, в отличие от союзников ПОРП, которые шли с ней единым списком и на выборах 1989 г.

В Чехословакии деятельность «круглого стола» не была столь заметной, как в других странах: здесь выбрали иную форму для переговоров — путем преобразования Федерального собрания в ходе отзыва ряда коммунистов и кооптации в его состав членов Гражданского форума и «Общественности против насилия» [16, 143]. Характерно, что пресс-секретарь министерства иностранных дел ЧССР после начала «нежной революции» говорил именно о возрождении «Национального фронта» [15, 240]. Однако полноценного возрождения произойти не могло, так как в Чехословакии за годы политики «нормализации» после 1968 г. все политические организации, кроме КПЧ, фактически были отстранены от управления страной, и взаимодействие их и КПЧ было минимальным. Можно сделать вывод, что по этой причине в Чехословакии была задействована другая особенность политической системы «народной демократии», связанная с широкими полномочиями представительного органа. Парламент выполнил в этой стране роль «круглого стола». А вот в ГДР, в противоположность ЧССР, лишь благодаря сотрудничеству с «круглым столом» правительству Х. Модрова удалось сохранить контроль над ходом событий и получить поддержку как СЕПГ, так и других партий [18, 14]. Очевидно, что «круглые столы» сыграли большую роль в достижении компромисса между политическими силами в тех странах, где ранее была значительная роль взаимодействия политических сил в форме «народных фронтов».

Можно согласиться с мнением И.Н. Тарасова, что представительные органы власти, располагавшие при социализме широкими законодательными, контрольными и кадровыми функциями, в период «бархатных революций», благодаря этим полномочиям, оказались в центре политических событий, а активизация представительных органов играла стабилизирующую роль в период либерализации режима «народных» демократий [19, 27]. Действительно именно представительные органы придавали юридическую силу решениям, выработанным ранее на «круглых столах», вынуждая участников придерживаться достигнутых соглашений. Парламенты также оформили правовую основу новых политических режимов.

В ходе «бархатных революций» парламентами из конституций всех стран первым делом были изъяты статьи о руководящей роли компартий. Конституция Венгрии в 1989—1990 гг. была пересмотрена, к ней было принято 90 поправок, включая восстановление поста президента [20, 92]. Конституции Венгрии, Чехословакии, Болгарии, принятые после революций, предусматривали формирование сильного однопалатного парламента, способствующего консолидации представительной власти. Поэтому оправдано характе-

ризовать эти страны как парламентские республики. В настоящее время полупрезидентская республика существует только в Румынии [21, 113]. Формирование такой политической системы можно считать одним из итогов именно «бархатных революций». Такие парламентские республики, как Болгария, Венгрия, Польша, Словакия и Чехия, постепенно осуществили переход от сильного парламента и слабого правительства к более сильному правительству при относительно сильном парламенте [21, 113]. Если учитывать, что исторически в «народных демократиях» конституционно всегда был приоритет представительного органа, но на практике всегда сильна была исполнительная власть, то названную выше тенденцию можно рассматривать как продолжение традиций «народной демократии».

Подводя итог, следует кратко сформулировать основные выводы о роли внутриполитических факторов и специфике «бархатных революций» в странах ЦЮВЕ. Для них было характерным сравнительно более быстрое падение макроэкономических показателей, чем темпы ухудшений социально-экономических условий жизни населения. Наиболее заметной социальной группой этих революций были студенты. В ряде стран ситуацию осложняли и межэтнические проблемы. Благодаря традиции многопартийности и взаимодействия в рамках «народных фронтов», которая культивировалась на протяжении существования «народной демократии», наличие конституционно определенных широких полномочий представительных органов стран ЦЮВЕ, у них создались необходимые условия и возникли предпосылки ненасильственного характера «бархатных революций». В разных странах региона способы разрешения революционной ситуации применялись в различных сочетаниях в зависимости от особенностей сложившейся у них политической системы. Установление парламентских республик в ЦЮВЕ является одним из результатов существования в этом регионе политических режимов «народной демократии» и особого, характерного для их смены типа ненасильственных революций, определяемых в научной литературе и публицистике как «бархатные».

Литература

1. Князев, Ю.К. Характер революций в странах Восточной Европы и возможные направления дальнейших преобразований / Ю.К. Князев // Восточная Европа: контуры посткоммунистической модели развития / РАН. Ин-т славяноведения и балканистики. Науч. центр общеславян. исслед. (ЦЕСЛАВ). — М., 1992.
2. Эстрин, С. Политическая экономия преобразований / С. Эстрин // Рынок труда и социальная политика в Центральной и Восточной Европе / под ред. Н. Барра. — М., 1997.
3. Герасимова, Р.Г. Сравнительный анализ экономического развития и рыночных реформ в странах с переходной экономикой в 1990—2009 годы. / Р.Г. Герасимова. — М.: ИНФРА-М, 2012.
4. Ушкалов, И.Г. Восточная Европа: реалии и пути обновления / И.Г. Ушкалов. — М.: Знание, 1990.
5. Бальцерович, Л. Социализм, капитализм, трансформация / Л. Бальцерович; пер. с пол. Н.И. Бухарина // Ун-т Рос. акад. образования. — М.: Наука: УРАО, 1999.
6. Дегтярь, Л. Социальные аспекты постсоциалистической трансформации в странах Центральной и Восточной Европы / Л. Дегтярь // Социальная политика в постсоциалистическом обществе / В. Матвиенко [и др.]. — М., 2001.
7. Лукьянов, П.Г. Новейшая история стран Центральной и Восточной Европы (1944—2000 гг.): учеб. пособие для студ. ист. специальностей вузов / П.Г. Лукьянов. — Могилев: Могилев. гос. ун-т, 2002.
8. Желицки, Б.И. Общая эрозия «реального социализма» и Венгрия конца 80-х годов. Предпосылки и причины революционной ломки / Б.И. Желицки // Революции 1989 года в странах Центральной (Восточной) Европы. Взгляд через десятилетие / РАН. Ин-т славяноведения. Науч. совет по истории социальных реформ, движений и революций. — М., 2001.
9. Общественные трансформации в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (90-е годы XX века — начало XXI столетия) / отв. ред. Ю.С. Новошапкин. — М.: Ин-т славяноведения РАН, 2008.
10. Ленин, В.И. Крах II Интернационала / В.И. Ленин // Полн. собр. соч.: в 55 т. — 5-е изд. — М., 1980. — Т. 26.

11. Ставиш, С.С. Молодежные организации как ударная сила «цветных революций» / С.С. Ставиш // Право и политика. — 2012. — № 10.
12. Шимов, Я.В. Перекресток. Центральная Европа на рубеже тысячелетий / Я.В. Шимов. — М.: Прагматика культуры, 2002.
13. Шарп, Дж. От диктатуры к демократии: Стратегия и тактика освобождения / Дж. Шарп. — М.: Новое изд-во, 2005.
14. Бакер, Р. К вопросу о роли «круглого стола» в процессе трансформации польской политической системы / Р.К. Бакер // Революции 1989 года в странах Центральной (Восточной) Европы. Взгляд через десятилетие / РАН, Ин-т славяноведения, Науч. совет по истории социальных реформ, движений и революций. — М., 2001.
15. История антикоммунистических революций конца XX века: Центральная и Юго-Восточная Европа / отв. ред. Ю.С. Повопалип. — М.: Наука, 2007.
16. Центрально-европейские страны на рубеже XX — XXI вв. Аспекты общественно-политического развития / РАН, Ин-т славяноведения. — М.: Новый хронограф, 2003.
17. Невз, Х. Национальный «круглый стол». Между подводными мифами и мелью / Х. Невз // Болгария: Обществ.-полит. журн. — 1990. — № 4.
18. Восточная Европа на новом пути / отв. ред. Л.П. Шапшьева. — М.: ИНИОН РАН, 1994.
19. Тарасов, И.Н. Институциональное развитие посткоммунистических политических систем стран Центрально-Восточной Европы: сравнительный анализ: автореф. дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.02 / И.Н. Тарасов. — Саратов, 2009. — 43 с.
20. Желицки, Б.И. Венгрия на старте демократических преобразований государственно-политической и экономической системы (1989 — 1994) / Б.И. Желицки // Общественные трансформации в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (90-е годы XX века — начало XXI столетия) / отв. ред. Ю.С. Повопалип. — М., 2008.
21. Россия и Центрально-Восточная Европа: трансформация в конце XX — начале XXI века : в 2 т. / С.П. Глишкита [и др.]. — М.: Наука, 2005. — Т. 1: Преобразования.

*Статья поступила
в редакцию 16.04. 2013 г.*

АБДИ АСГАР ШАХБАЗ

ФЕНОМЕН ПОЛИТИЧЕСКОЙ, СОЦИАЛЬНОЙ И КУЛЬТУРНОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Глобализация является одним из самых универсальных и размытых современных понятий. Несмотря на то, что термин «глобализация» широко употребляем, среди ученых нет консенсуса по поводу его наполнения. Считается, что впервые этот неологизм был употреблен в 1983 г. профессором Гарвардской школы бизнеса Т. Левиттом, который назвал глобализацией «процесс слияния рынков отдельных продуктов, производимых транснациональными корпорациями» [1]. Большое распространение термин получил с середины 1990-х г. Первоначально понятие «глобализация» относилось исключительно к экономической сфере, где господствовали принципы неоллиберализма. Он предполагает максимальную либерализацию экономики, снятие государственных ограничений на торговлю и производство, а также открытие национальных рынков для получения максимальных прибылей. Экономическая сфера и сегодня остается основополагающей составляющей глобализации. Вместе с тем глобализация экономики и развитие технологий повлекли за собой соответствующие процессы во всех значимых сферах человеческой деятельности.

В качестве отправного мы возьмем краткое и ясное определение одного из ведущих западных социологов Э. Гидденса, считавшего, что глобализа-

АБДИ Асгар Шахбаз, аспирант кафедры политологии Белорусского государственного экономического университета.

□□□□□□□□ □□□□□□□□ □□□□□□□□ □□□□□□□□. □□□□□□□□.
□□□□□□□□□□ □□□□□□□□□□□□ □□□□□□□□□□ □□□□□□□□□□. □□□□□□□□□□.